

— Что такого в старшей школе? Разве мало старшеклассников влюбляется? Се Синчжоу вовсе не плох. Хотя у него и характер тяжеловат, он утонченный человек, к тому же красивый. Узнай в кругах, сколько людей мечтают держать его дома, не ради чего-то, а просто чтобы любоваться — это же так стильно!

Лу Жунь не злился. Он всегда был настолько добродушным, что даже когда его парня обсуждали как вещь, он продолжал улыбаться мягко:

— Правда? Но я все же думаю, что этого не случится. У Цзян Цзэ мания величия, он считает себя героем. Он точно не станет отбивать парня у своего двоюродного брата.

— Справедливо. Се Синчжоу тоже слеп, раз так тебя любит.

— Впрочем, брат, все же советую тебе держать его под присмотром. Иначе однажды Се Синчжоу очнется и бросит тебя. Ведь скажи сам, в чем ты лучше него? У тебя нет его денег, ты не так красив, не так предан и не так искренен.

— Будь мы на месте Се Синчжоу, не будь мы дураками, кто бы выбрал тебя вместо Цзян Цзэ, чтобы мучить себя?

Воспоминания нахлынули, и Лу Жунь почувствовал, как его голова покрывается зеленым цветом. Кажется, он что-то понял, его взгляд, словно нож, вонзился в Се Синчжоу.

— Хе.

Он усмехнулся с сарказмом.

Се Синчжоу был в полном недоумении, не понимая, почему тот так язвит. Улыбается, улыбается, разве только он умеет улыбаться?

Лу Жунь улыбнулся и ушел. По сравнению с Цзян Цзэ, он, возможно, больше походил на сумасшедшего. Он широким шагом вышел из кофейни, и гнев от предательства заставил его остановиться за углом. Он достал телефон и сделал снимок Се Синчжоу как доказательство.

Угол был удачным. В полумраке казалось, что Цзян Цзэ обнимает Се Синчжоу.

Его взгляд был таким нежным, когда он смотрел вниз, в его глазах сверкали звезды.

Именно этот взгляд всегда был направлен на Се Синчжоу! Лу Жунь раньше не обращал на это внимания, но теперь, увидев это, он почувствовал себя ужасно несчастным! Это было похоже на то, как его маленькую капусту облили зеленой краской!

Он должен отомстить, обязательно отомстить. Эти два мерзавца должны умереть, чтобы смыть позор его предательства.

Называть себя сумасшедшим — это не так уж и плохо. Самое ужасное для Цзян Цзэ было то, что тот, кого он любил, был отличником! Се Синчжоу, воспитанный старым господином Се, был чрезвычайно предан образованию. Он не мог смотреть, как Цзян Цзэ прогуливает уроки, и буквально заставил его войти в школьные ворота под его рыданиями.

— Заходи.

— Не хочу!

— Если до пятницы ты еще раз прогуляешь, я сломаю твои собачьи ноги!

— Брат! Брат!!

— Папа, папа, ты воспитывай брата Цзэ, мы просто хотим быть бездельниками!

Се Синчжоу наконец-то показал загадочную улыбку:

— Я понял, я все же сообщу дедушке.

Цзян Цзэ и его приятели поклонились:

— Простите, мы сразу уходим, не беспокойте дедушку, пусть он наслаждается старостью.

Авторитет старого господина Се было невозможно описать словами. Достаточно было упомянуть его, и даже такой непокорный, как Цзян Цзэ, сразу становился смиренным. Проводив своих «сыновей», Се Синчжоу вернулся в свою квартиру. Здание было старым, свет тусклым, а длинный коридор временами напоминал сцену из фильма ужасов. Се Синчжоу шел по старым плиткам, и вдалеке у лифта он увидел чью-то фигуру.

Невысокую, худую, с черными как смоль волосами.

Сердце Се Синчжоу заколотилось, и воспоминания, похожие на кошмар, нахлынули на него.

Пронзительный звук тормозов, мучительная боль, когда его тело переехали, и те невинные, но зловещие глаза, когда он скатывался с холма. Кто не боится смерти? Никто. Даже если Се Синчжоу жил как герой, некоторые страхи всегда всплывали в нужный момент.

— Синчжоу, это брат был неправ.

Услышав этот голос, Се Синчжоу остановился. Его зрачки сузились, а сердце начало биться чаще. Он не мог понять, боялся он или ненавидел, возможно, и то, и другое. Ведь Цзянь Дунлинь был ужасен. Он мог разрушить семью, которая его вырастила, и мог убить живого человека, и при этом он улыбался.

Человек, похожий на злого духа. Се Синчжоу не считал себя трусом за то, что боялся его.

Он вырос под солнцем, и хотя он боялся, в нем была праведность, которая могла развеять любую тьму.

— Это брат был неправ, брат ослеп, но я не мог иначе, я не знаю, что со мной случилось, я просто не мог себя контролировать. Но я исправлюсь, Синчжоу, только этот раз, я обещаю, что больше не буду приближаться к Лу Жуню, хорошо? Я верну его тебе.

Се Синчжоу смотрел на него.

Если после перерождения Цзянь Дунлинь мог вызвать в нем что-то похожее на симпатию, то, вероятно, это был его рост? Это было действительно приятно. Он, Се Синчжоу, мистер «на один сантиметр меньше», наконец-то мог смотреть на кого-то свысока! Он должен был немного похвастаться!

Из-за этого маленького удовольствия Се Синчжоу не был крайне резок с ним. Он просто сжал губы и упрямо смотрел на него.

Хех, спросите, почему он так поступает?

Это же просто. Маскировка должна быть на высоте. Пусть Цзянь Дунлинь думает, что он все еще тот самый молчаливый маленький немой. А что касается Лу Жуня, почему он ему противоречил? Потому что он ненавидел его. Его предали, его бывший парень воткнул ему нож в спину. Почему он не может быть немного непохожим на себя прежнего?

Постепенно погружаясь в мир хитрых интриганов, Се Синчжоу должен был себя отругать, но после этого он все равно оставался хитрецом.

Взгляните на Цзянь Дунлиня. Он пришел извиниться, его глаза бегали туда-сюда. Искренности не было, зато наблюдений и тестов было много. Вероятно, он услышал о его необычном поведении перед Лу Жунем и пришел посмотреть, чтобы решить, как ему следует поступать с ним в будущем.

Вырвавшись из водоворота любви, Се Синчжоу стал особенно мудрым. Его догадки были почти точны.

— Синчжоу, брат выполнит свое слово, ты простишь его, да?

Се Синчжоу упрямо молчал.

Раньше он был слишком горд, чтобы позволить другим смеяться над ним, поэтому даже когда Цзянь Дунлинь хвастался перед ним, он просто холодно смотрел на него и уходил. Он не устраивал сцен и не плакал, требуя извинений, потому что считал это недостойным. Если кто-то не хочет его, это их потеря. Зачем бороться? Это только создаст впечатление, что он невеликодушен.

Се Синчжоу не был таким человеком. Он столько лет учился, и у него был свой характер. Он всегда хотел оставить людям немного достоинства.

Он не хотел доводить дело до крайности, как собирать персики и сливы весной, а летом — лотосы, оставляя корни и стебли. Это было добродетелью.

Но, тьфу, что за оставление? Можно ли оставлять мусор? Нет! Традиционная добродетель не ошибается, но нужно выбирать, с кем ее применять!

С теми, кто даже не заслуживает звания человека, он должен оставить мягкость и стать жестоким.

Если кто-то изменяет, а любовник занимает его место, зачем ему скрывать это? Пусть все узнают, позор не на нем. В худшем случае, его немного пожалеют. Но что в этом плохом? Быть слабым — это нормально.

Се Синчжоу все понял, но внешне он не показывал этого. Он сохранял прежний вид, холодно и твердо отвернувшись:

— Уходи, у меня нет такого брата.

Он был действительно упрямым, но Цзянь Дунлинь считал его слабым и бесполезным. Он презирал его в душе, но на лице улыбался, готовясь устроить еще кое-что.

Но прежде чем он успел что-то сказать, кто-то закружился, подпрыгнул и обнял его за ногу!

Уходи, уходи, защитник моего кумира идет! Никто не смеет уговаривать его кумира вернуться, его фанаты не позволят!!

— Брат Синчжоу! Это слишком! Ты должен помочь мне восстановить справедливость! У меня украли «Пять-три», Хуанган тоже не уцелел, и даже Цидун! Даже наш Цидун пропал, ууууууу!

Что за идиот, Цзянь Дунлинь даже не хотел говорить. У Лу Жуня, должно быть, мания преследования. Как такой человек мог нравиться Се Синчжоу?

Но Се Синчжоу действительно любил его. Отцовская любовь, глубокая!

— Куплю тебе новый, нужно учиться делиться с одноклассниками...

«Не нужно, не нужно, просим вас, оставьте нам, бездельникам, немного достоинства».

Затем Се Синчжоу добавил:

— Но Цзян Цзэ, ты, кажется, забыл мои слова. Если ты еще раз...

— Не прогулял! — Цзян Цзэ был крайне доволен собой и даже упер руки в бока. — Посмотри на время, уже 12:20, у нас обед, уроки начинаются в 13:30.

Се Синчжоу с сожалением подумал, что его дедушка потерял еще один объект для воспитания. Это была огромная потеря.

<http://bllate.org/book/16426/1488677>